

ТРУДЫ
ИСТОРИЧЕСКОГО ФАКУЛЬТЕТА
МГУ

228

ИСТОРИЧЕСКИЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ

158

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО В ИСТОРИЧЕСКОМ ОПЫТЕ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

УДК 94(100)
ББК 63.3(0)
В 582

*Печатается по решению Ученого совета
исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова
от 22 марта 2023 г. (протокол № 2)*

Редакционная коллегия:

доктор исторических наук, профессор *Л. С. Белоусов*,
доктор исторических наук, доцент *Д. А. Андреев*,
кандидат исторических наук, доцент *А. А. Вершинин*,
научный сотрудник *П. Ю. Князев*

Рецензенты:

кандидат исторических наук, доцент *А. И. Остапенко*
кандидат исторических наук, доцент *А. В. Лазарева*

В 582 Власть и общество в историческом опыте человечества. Материалы всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых. Москва, 19–20 марта 2022 г.: сб. ст. – СПб.: Алетейя, 2023. – 138 с. – (Труды исторического факультета МГУ. Вып. 228. Сер. II: Исторические исследования, 158).

ISBN 978-5-00165-671-5

В сборнике представлены статьи, подготовленные участниками всероссийской научной конференции студентов, аспирантов и молодых учёных «Власть и общество в историческом опыте человечества», которая прошла на историческом факультете МГУ имени М. В. Ломоносова 19–20 марта 2022 г. Статьи молодых исследователей раскрывают различные аспекты взаимоотношений власти и общества на обширном историческом материале – от древности до новейшего времени. Особое внимание уделено проблемам взаимодействия и взаимовосприятия общественности и потестарных институтов в отечественной истории.

Издание рассчитано на специалистов-историков и на широкий круг читателей. Тексты статей публикуются в авторской редакции.

УДК 94(100)
ББК 63.3(0)

ISBN 978-5-00165-671-5

9 785001 656715

@biblioclub: Издание зарегистрировано ИД «Директ-Медиа» в российских и международных сервисах книгоиздательской продукции: РИНЦ, DataCite (DOI), Книжной палате РФ

- © Коллектив авторов, 2023
- © Исторический факультет МГУ, 2023
- © Издательство «Алетейя» (СПб.), 2023

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Белоусов Л. С.</i> Размышления молодых ученых о взаимоотношениях власти и общества.	5
История Древнего мира и археология	7
<i>Алтынов Н. М.</i> Методология археологических исследований в направлении социальной трактовки памятников материальной культуры	9
<i>Лякутина Т. А.</i> Социально-правовой статус женщины в старовавилонской Месопотамии (по данным законодательных и частноправовых текстов).	17
История Средних веков и раннего Нового времени	21
<i>Баженев Е.А.</i> Титулы августа и императора на ромейских монетах VII–X вв.: античный пережиток или поддержание традиции?	23
<i>Сироткина А.А.</i> Представление англосаксов о женской королевской власти: по материалам раннесредневековых нарративных источников.	35
<i>Парфентьев П.А.</i> Византийский император Мануил II Палеолог в отражении французских хроник.	43
<i>Ситнер С.В.</i> Представления Бена Джонсона о взаимоотношениях поэта и государя	50
Новая и Новейшая история	55
<i>Чернова М.В.</i> Санационный режим Юзефа Пилсудского в воспоминаниях Герхарда Кегеля	57
<i>Баченина В.В.</i> «Два лика пангерманизма»: германский и австрийский пути развития пангерманской идеи (вторая половина XIX – начало XX вв.).	65
История России XIX в. – нач. XX в.	73
<i>Тудупов Н.С.</i> Фактор социального недовольства в управлении провинциальным обществом Российской империи в условиях эпидемии холеры 1830–1831 гг. (на примере Нижегородской губернии).	75
<i>Пуневский Я.В.</i> Городское самоуправление в России в 1871–1914 гг. в контексте взаимоотношений власти и общества: инициативы и результаты деятельности (на материалах г. Ярославля)	82
<i>Ерохов Н.С.</i> Понятия «нация», «народ» и «народность» в работах русских правых публицистов начала XX века	87

<i>Мазаев Р.С.</i> Аграрный проект Петра Столыпина: крестьянин-собственник и гражданин	93
История России 1917 – н. в.	99
<i>Галин Н.А.</i> Взаимоотношения между РПЦ и советской властью в первые годы после Октябрьской революции.	101
<i>Галицкая А.А.</i> Роль политического руководства СССР в организации атомного проекта	106
История искусств	113
<i>Ткачев В.В.</i> Городское общество Байкальской Сибири в процессе формирования художественной жизни во второй половине XIX – начале XX вв.	115
<i>Зайцева А.В.</i> Театр и власть: на примере деятельности В.Э. Мейерхольда (1917–1939 гг.)	121
<i>Румянцев И.С., Худовеков М.С.</i> Город как способ выражения национал-социалистической идеологии Третьего Рейха	127
Список сокращений	133
Сведения об авторах	134

История Древнего мира и археология

АЛТЫНОВ Н. М.

МЕТОДОЛОГИЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ В НАПРАВЛЕНИИ СОЦИАЛЬНОЙ ТРАКТОВКИ ПАМЯТНИКОВ МАТЕРИАЛЬНОЙ КУЛЬТУРЫ

Археологический памятник – это многогранный, заключающий в себе много информации источник, который трактуется с разных точек зрения. Археологическая наука крайне молода и в начале XX в. работала на получение, систематизацию материала. Ученые встретились с двумя проблемами: малое количество информации, ее слабая систематизация и качество их фиксации. Эти задачи и решались археологами XX в. Даже несмотря на то, что еще в начале XX в. Гордон Чайлд объявил изучение древних обществ основной целью археологии. Сегодня мы имеем проработанную методологию фиксации, типологизации и сохранения археологических памятников благодаря археологам XX в. [4, с. 64].

Если касаться отечественной историографии изучения социального направления в археологии, то мы увидим доминирование марксистско-ленинской методологии. Часто ученые пытались построить строгую вертикальную модель, отвечающую формационным марксистским моделям, не учитывая особенности и гибкость эпохи. Однако стоит отдать должное – такой подход не отрицал социоинформативность погребальных обрядов [3, с. 59].

Несмотря на занятость археологов XX в. вопросами датирования, типологизации культур и их ареалов, социальный аспект строения древних обществ просачивался в науку и в 1960-е гг. и выразился в «процессуальной» археологии. Здесь акцент смещался на понимание формирования памятника, отслеживания закономерностей формирования общества. Направление социальной археологии оформил К. Ренфрю, в инаугурационной речи в университете Саутгемптона он доказал способность археологии воссоздавать общественные отноше-

ния в древности и определил социальную археологию как реконструкцию древних социальных систем [3, с. 60].

Однако процессуальный подход обходил взаимодействие индивидуумов в обществе. В 1980-е гг. появился новый пост-процессуальный подход, который уже охватывал данную проблематику. В интерпретационном подходе развиваются направления, изучающие социальные группы в древних обществах: гендерная археология, археология возраста, археология детства, археология сексуальности [3, с. 60].

Сегодня же археология стоит на пороге новой эпохи. Большие возможности естественно-научных методов дают много новой информации о социальности древних обществ: миграции, диете, происхождении, составе орудий труда. Естественно-научные методы дают научную доказательную базу социальным интерпретациям, где это возможно. Ведь археология – это материальная культура и несет на себе отпечаток идентичности индивидуумов, делавших ее. И это прослеживается на протяжении всей хронологии [3, с. 61].

Перейдем же к методам, которые используются при исследовании социальной составляющей археологического памятника. Главные археологические памятники, которые используются для социоархеологии древних обществ – погребальные памятники. Рассмотрим интерпретации их составляющих: расположения, конструкции и вида могилы, погребального инвентаря, антропологического материала.

Первая составляющая – расположение. Благодаря развитию ГИС-технологий (географические информационные системы) в археологии уже на стадии разведки археологических памятников можно сказать много о социально-духовном аспекте памятника. Например, отследить расположение могил на карте. После изучения могильника проанализировать и попытаться найти взаимосвязь в расположении могил между собой по составляющим факторам могильника. Так, на плане расположения погребений мезолитического могильника Васильевский 3 мы видим, что могильник образует форму круга [1, с. 104]. Женские, детские и старческие погребения в центре погребального комплекса, а могилы молодых и зрелых мужчин по периметру могильника. Это говорит о том, что могилы молодых и зрелых мужчин-воинов оберегают от врагов уязвимых членов общества: стариков, женщин и детей. На плане могильника Велемичи-II есть доминирующая группа могильников в восточной части комплекса [10, с. 37]. При этом, не прослеживается корреляции между богатством погребального инвентаря

могил и местом расположения (богатые погребения памятника погр. № 45, 84 в восточную доминантную группу не входят) [10, с. 43]. Видимо, эта часть комплекса была элитарной и была связана со знатностью, а не с богатством погребенных, поэтому здесь наблюдается концентрация могил. Таким образом, мы должны обращать внимание на топографию исследуемых памятников с точки зрения социальности.

Исследуя могильник, мы встречаемся с погребальным инвентарем. Главные способы исследования инвентаря: количественное и качественное. Для начала рассмотрим количественный метод. Так, качественные методы должны отражаться в количественных показателях для легкости их систематизации и считывания. Есть несколько подходов. Мы подсчитываем общее количество вещей в погребении и по их количеству говорим, какое это погребение – богатое или бедное. Однако здесь мы упускаем важный момент. Общее количество инвентаря не всегда равно его качеству. Три фрагмента керамики в могиле не делают ее богаче могилы с одной фибулой, но без керамики. Однако этот метод выигрывает в скорости и легкости подсчета [10, с. 13].

Второй метод подсчета погребального инвентаря – метод Харке-Савенко. Заключается в том, что каждому предмету присваивается численный индекс, равный среднему количеству вещей, встречаемых с ним в погребальном комплексе. Теперь бусина и фибула будут дифференцировать могилы, и каждая будет иметь индекс ценности, который присвоил археолог [10, с. 13].

Что же касается качественного метода, то разделяем могилы на группы, характеризующиеся качественными признаками: гендерными, возрастными, хронологическими. Для наглядности результатов используем графики [10, с. 14].

Использование метода на практике прослеживается на примере бакалаврской работы Образцова И.Ф. Автор применил метод к погребальному инвентарю Зарубинецкой культуры полесского варианта памятника Велемичи-II.

Зарубинецкая культура полесского варианта практиковала трупопожжение в грунтовых могильниках. Кремация крайне сложный материал для определения антропологического возраста и пола погребенного. Однако по результатам исследования автор выявил, что 9/10 погребений с двойными фибулами женские, а все мужские однофибульные. Антрополог В.В. Гинзбург отнес пару однофибульных могил к женским [10, с. 17]. Однако на основании выборки мужских погребений

ний (однофибульных) и по выборке более богатых материально женских погребениях, а также из историографии костюма утверждается, что все однофибульные захоронения мужские, и антрополог скорее всего неправильно определил их половую принадлежность [10, с. 20] в силу плохого качества антропологического материала и сложности определения костяка [9, с. 35].

Что касается возрастного аспекта, то количественные данные показали, что молодые девушки из могильников имели более богатый инвентарь, чем женщины зрелого и старческого возраста. Из этого делается вывод, что в местной общине практиковалась традиция собирать невесте приданое, с которым она и переходила в семью жениха [10, с. 25]. Мужские погребения независимо от возраста отличаются бедным погребением без статусного инвентаря, что говорит о том, что в местной среде не выделялась воинская аристократия и прослойка дружинников [10, с. 21].

На основе хронологического деления автор делает вывод, что возрастающее пропорционально количество погребений со временем свидетельствует о росте популяции общины, которая составляла примерно 25-50 взрослых человек [10, с. 35]. Поселение, хоронившее на памятнике соплеменников, было родовой общиной [10, с. 43].

Методы обозначенные выше применимы и к курганным могильникам. Отличие грунтовых могильников от курганов в самой конструкции кургана. По размерам и конструкции курганы разные: от 20 м в высоту у царских скифов, до небольших 1–2 м в высоту у сако-массагетов. Конструкция погребальной камеры представляет из себя как яму, так и срубы, как в Пазырыкской культуре. Существование таких конструктивных элементов говорит о знатности и высоком социальном положении погребенного.

В пример приведем знаменитые курганы царских скифов. Чертомлыкский курган 20 м в высоту. Некоторые ученые предполагают, что здесь нашли знаменитого скифского царя Атея, так как рядом нашли кувшин с этим именем [1, с. 314]. Ульские курганы, где в кургане №1 обнаружено 18 вкопанных столбов около могилы с коновязями. К ним было привязано 360 взнузданных лошадей со всадниками. И лошади, и всадники крепились с помощью сложной системы кольев в стоячем положении [1, с. 326]. Краснознаменские курганы высотой не менее 15 м, диаметр 70 м, окруженные 25-ти метровым рвом, стеной диаметром 150 м. Рядом с курганом обнаружен Храм Огня – строение с жертвен-

ником на возвышении со следами огня, красной окраской стен. Храм у открытого кургана, что важно, функционировал 20–30 лет по предположению ученых. И только после этого курганную конструкцию засыпали вместе со стоящим рядом храмом [11, с. 18].

Материалы и формы, из которых изготовлены предметы погребального инвентаря важны в определении социальности общества. Наличие драгоценных металлов, таких как золото или серебро, свидетельствуют о высоком сакрально-социальном положении человека в обществе. В качестве примера можно привести могилу №43 знаменитого Варненского могильника в котором насчитывалось 3000 золотых предметов [1, с. 160]. Однако, не всегда наша мера ценности совпадает с представлениями о ценностях прошлого. В 2020 г. на XVI Троицком раскопе нашли клык кабана с металлическим наконечником. Предполагалось, что он из серебра. Но после исследования химического состава накладки, путем рентгенно-флюоресцентного анализа, оказалось, что накладка изготовлена из не менее редкого металла – олова. Таким образом накладка сделана не из драгоценного металла по нашему представлению, но от этого она не менее ценная для людей той эпохи, для которых редко распространенное олово было роскошным металлом [12].

По форме находок также выводятся некоторые социальные аспекты жизни человека. М.Г. Гусаков высказал мнение о том, что три типа булавок зарубинецкой культуры – это один тип изделия, просто по мере полочки и починки заколки спираль была источником запасной проволоки для починки, а само изделие тем самым уменьшалось в размерах [5, с. 61]. Тем не менее, это маловероятно. Однако большие спиралевидные булавки доминируют в погребениях молодых (незамужних) девушек, а небольшие булавки с “ушком” или кольцом – в погребениях зрелых и пожилых (замужних) женщин – таким образом, булавки большие – это знак невесты на выданье, а заколки маленькие – своеобразное обручальное кольцо. Этнографически булавка выступает атрибутом свадебного обряда, когда обряд пронзания булавкой ткани платья символизирует сакральный половой акт [5, с. 63].

М.Г. Гусаков заметил сходство формы и орнаментации спиралевидных булавок с символизмом змеи. Змея у народов балто-славянского корня связывалась с хтоническим символизмом – водной и земной стихией, плодородием почвы и женской плодовитостью – что заставляет вспомнить распространенный у славянских народов мифологиче-

ский сюжет о змеевой невесте, что и является одним из возможных объяснений символизма спиралевидных булавок [5, с. 63].

Теперь перейдем к самому костяку – антропологическому материалу. Сами кости рассказывают о социальном бытовании индивидуума. Прежде всего это разные модификации тела, связанные с ритуальными и социальными обрядами. Для того, чтобы отражать социальный статус и идентичность люди шли на кровавые ритуалы, причиняющие боль, как например деформация формы черепа или пяток [6, с. 65]. Трепанация черепа – частая операция, проводимая в целях социальной инициации индивида. Например, могильник «Вертолетное поле» в котором было обнаружено 7 человек со следами сквозного хирургического вмешательства на черепе [2, с. 116]. Трепанации говорят о необычной активности местного знахаря. У людей из могильника не было найдено следов хронических заболеваний, которые могли бы запечатлеться в структуре костной или зубной ткани, поэтому, видимо, это операция ритуального характера. Операция, видимо, обозначала инициацию в воины племени. Кроме того, мы знаем примеры ритуальных шрамирований – трепанаций, не доведенных до конца у кочевников в эпоху великого переселения народов, которые, видимо, символизировали отличие воина от рядового человека [7, с. 145].

Вероятнее всего, трепанации связаны с обрядом перехода, т.к. древний человек делил жизнь на отрезки: становление ребенка взрослым, брак и смерть. Пример такой инициации в археологии видно на примере захоронения молодой девушки 25 лет из Мурзак-Кобы. У нее обнаружена ритуальная трепанация и отрезаны верхние фаланги мизинцев. Медникова М.Б. исследовав останки сделала вывод, что трепанация и отрезание фаланг мизинцев было совершенно в разное время за 2–5 лет до смерти девушки. Не исключено, что эти событие разнесены во времени и отражали обряды инициации девушки: отрезанные фаланги были всем видным знаком перехода девушки из подросткового возраста в мир взрослых, а трепанация (сделанная позже) тайным ритуальным знаком брака [8, с. 60].

Еще одним видом модификации тела, которые фиксируются на антропологическом материале, являются татуировки и пигментные печати. Так, д.и.н. Шишлина Н.И. утверждает, что социальная роль татуировок огромна, хоть и тяжело читаема. Мешает прочтению и малое количество материала. Но важно то, что расположение найденных татуировок на теле часто находится на открытых частях тела – руках, го-

лове, ногах. Это видно на примере пазырыкских татуировок, которые делались на открытых частях тела. Реконструкция одежды культуры говорит о том, что люди стремились оголить татуированные конечности. Татуировки отражали значение социальных ролей, маркировали принадлежность к кланам [13, с. 71]. Также татуировки-раскраски на лице из мог. Уланский IV, а также погребальные маски из Кермен-Толга, очевидно тоже носили социально-ритуальный характер.

Но не стоит забывать, что татуировки отражали не только социальную характеристику, но и выполняли лечебные функции. Так, татуировки на теле человека из Этци расположены над зонами, где у него были травмы и повреждения. Таким образом, они исполняли лечебные функции по уменьшению боли в этих местах. Это форма симпатической магии [13, с. 72].

Тем не менее, стоит иметь в виду, что социальная археология, не основанная на естественно-научных методах, часто страдает из-за не объективности интерпретаций. Стоит помнить, что:

1) Не всегда то, что видно на археологическом памятнике, свидетельствует о социальных чертах общества. Могильный инвентарь не обязательно носился погребенным ежедневно.

2) Вещам может придаваться слишком большое значение, поскольку мы не знакомы с социально-религиозным мировоззрением людей, совершавших погребения.

3) При этом не всегда на основе простых данных: пола, возраста, материального инвентаря, вида захоронения – можно судить о социальной структуре живого общества, особенно без письменных источников. Социум не всегда четок в структуре, имеет исключения.

4) В зависимости от метода, используемого исследователем, результаты крайне разные.

Поэтому только при учете многогранности социума и осторожном контекстуальном подходе, мы можем реконструировать целиком или фрагментарно социальную структуру древности.

Список источников и литературы

1. Археология: Учебник / Под ред. академика РАН В.Л. Янина. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Изд-во Моск. ун-та, 2012. – 608 с.
2. Батиева Е.Ф. Новые материалы по антропологии Нижнего Подонья / Е.Ф. Батиева // Вестник антропологии. – 2001. – №7. – С. 116–124.

3. *Берсенева Н.А.* Социальное направление в археологии: вчера и сегодня / Н.А. Берсенева // История и современное мировоззрение. – 2019. – Т. 1. – № 4. – С. 59–62.
4. *Генинг В.Ф. и др.* Проблемная ситуация в современной археологии / В.Ф. Генинг, С.В. Смирнов, Ю.Н. Захарчук // Ин-т археологии. – Киев: Наук. думка, 1988. – 288 с.
5. *Гусаков М.Г.* Булавки со спиралевидным навершием в зарубинецкой культуре // Краткие сообщения Института археологии: Общероссийский археологический научный жур. – 1988. – № 194 – С. 59–64.
6. *Мамонова Н.Н. и др.* Первичная обработка и определение антропологического материала в полевых условиях / Н.Н. Мамонова, Г.П. Романова, В.М. Харитонов // Методика полевых археологических исследований. – 1989. – № 2. – С. 50–83.
7. *Медникова М.Б.* Трепанации в древнем мире и культ головы. / М.Б. Медникова. – М.: Алетея, 2004. – 208 с.
8. *Медникова М.Б. и др.* Обряды перехода в каменном веке по данным физической антропологии / М.Б. Медникова, В.Г. Моисеев, В.И. Хартанович // Краткие сообщения Института археологии: Общероссийский археологический научный жур. – 2015. – № 237 – С. 50–63.
9. *Веселкова Д.В. и др.* Методика работы с палеоантропологическими материалами в полевых условиях / Отв. ред. М.В. Добровольская. – М.: ИА РАН, 2020. – 112 с.
10. *Образцов И.Ф.* Социальная структура населения зарубинецкой культуры (по материалам могильников полесского варианта): ВКР, бакалавр: защищена 01.06.2021. – М., 2021. – 51 с.
11. *Петренко В.Г.* Краснознаменский могильник: элитные курганы раннескифской эпохи на Северном Кавказе / В.Г. Петренко; отв. ред.: чл.-корр. РАН А.И. Иванчик, д.и.н. М.Г. Мошкова. – М.: Палеограф, 2006. – 176 с. – (Corpus tumulorum scythicorum et sarmaticorum. Т. 1).
12. *Рыбина Е.А. и др.* Работы в Людином конце Великого Новгорода в 2020 г. (Троицкие раскопы XV и XVI) / Е.А. Рыбина, Л.В. Покровская, В.К. Сингх, А.М. Степанов, Е.А. Тянина // Новгород и Новгородская земля. История и археология. Материалы научной конференции. – 2022. – № 35. – С. 25–26.
13. *Shishlina N.I. et al.* Bronze Age Tattoos: Sympathetic Magic or Decoration? / N.I. Shishlina, E.V. Belkevich, A.N. Usachuk // Zurich Studies in Archaeology. Tattoos and Body Modifications. – 2013. – № 9. – P. 67–74.

ЛЯУКИНА Т. А.

СОЦИАЛЬНО-ПРАВОВОЙ СТАТУС ЖЕНЩИНЫ В СТАРОВАВИЛОНСКОЙ МЕСОПОТАМИИ (по данным законодательных и частнопрововых текстов)

Тема роли женщины в обществе и семье является одной из наиболее дискуссионных в современных социальных науках. Ученые обращаются к исследованию положения женщин в разные исторические периоды, однако ее роли в древности отведено совсем незначительное место, хотя именно в древних цивилизациях были заложены основы социальной структуры, некоторые элементы которой функционируют до сих пор.

Женщина в вавилонской семье и обществе, в целом, имела весьма зависимое от мужчин положение. Это объясняется самим характером древневосточной экономики, так как женщина была фактически избавлена от необходимости участвовать в производственном процессе с целью получения средств к существованию. Ввиду физических особенностей, самую продуктивную часть работы и в сельском хозяйстве, и в ремесленном деле выполняли мужчины. В силу этого женщина была экономически несостоятельна, отсюда и следует столь заметная разница в правах. Однако мы можем заметить, что в тех отраслях, где женщины могли получать схожий с мужским результат, они имели вполне схожие с ними права.

Главной семейной функцией “жены человека” было обеспечение мужа потомством. В случае, если жена была не способна иметь детей (из-за бесплодия или из соображений культа), для свершения детородной функции использовали специальную рабыню [1, §144–145]. Статус жены подразумевал под собой не только выполнение брачных обязанностей, таких как супружеская верность, но и обладание рядом гарантированных прав, зафиксированных юридически. Женщина была защищена от насилия и получала право на содержание за счет дома, в который пришла, а также право на предоставления ей жилища [1,